

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ В ЭПОХУ АНТРОПОЦЕНА

Невзоров А.Н.

*Невзоров Александр Николаевич – магистр юриспруденции,
деятельность в области права,
г. Старый Оскол, Белгородская область*

Аннотация: статья посвящена раскрытию новых правовых глубин принципа добросовестности как правовой категории, перманентной проблеме выяснения и утверждения его роли и места в современном российском гражданском праве, а также совершенствованию современного российского гражданского права.

Ключевые слова: добросовестность, антропоцен, новое мышление, Гражданское право, принципы Гражданского права, совершенствование Гражданского права.

Эпоха «Антропоцена» – неформальный геохронологический термин, обозначивший новую геологическую эпоху, в которой влияние деятельности человека на всю социоприродную действительность планеты Земля стало преобладающим в общем воздействии планетарных и космических сил, в отношении происходящих на ней изменений. Настало время, побудившее международное сообщество учёных заявить об этом значимом событии, прозвучавшем в Кейптауне (ЮАР) 29 августа 2016 года.

Наступивший период, ознаменовавший человека как одну из главных планетных сил, несёт в себе высокую его ответственность за все человеческие действия, способные так или иначе повлиять на развитие человеческого сообщества и Планеты в целом. В этом аспекте, когда деятельность человека управляется его высшей духовной субстанцией, именуемой «разум», – «разум во всём и разум везде», обязан стать девизом наступившей эпохи.

Разум и чувства, вызываемые осмыслением реальности бытия и даже трансцендентальности, формируют в человеке определённые качества, которые являясь его социальной, человеческой характеристикой, определяют характер человека и вектор действий, а также табу. Одним из таких сложных чувств, имманентных природных качеств человека и осмысленно развитых в социальной среде посредством разума, определяющих в значительной степени его поступки, действия и даже в какой-то мере смысл жизни, является глубоко биологическое и социальное, ставшее впоследствии важной правовой категорией, понятие «добросовестность».

Добросовестность – это синергетическое состояние души и разума, приведённые к их единому знаменателю, когда душевные желания и потребности восприняты разумом, хорошо осмыслены и стали для человека нормой образа мышления и поведения. Поэтому пришедшее время требует от каждого совершить экскурс в самого себя, рефлексировать, определив своё отношение и место в среде человеческого бытия, глубоко поняв в этом вопросе, что такое добросовестность как чисто человеческая категория, и как она должна проявляться в поступках и действиях человека в современную эпоху.

«Добросовестность», как социальная и правовая категория, занимая одно из доминирующих позиций в Гражданском праве, несёт свои предикатные изменения в её восприятии и понимании, отвечающие среде, в которой эта категория порождается и тем истокам, которые питают её. То есть, понятие добросовестности должно отвечать духу времени. Антропоцен, напомнивший нам о ноосферном учении великого русского мыслителя В.И. Вернадского, в совместном интеграционном научном единении, определили ту среду и ответственность человека, когда понятие «добросовестность», должно быть рассмотрено через призму упомянутого учения, с позиции наступившей Эпохи. Такая необходимость обусловлена выявлением новых правовых граней «добросовестности», которые в определённой степени должны произвести надлежащую «корректировку» Гражданского права, приблизив его к современности бурно развивающегося бытия.

Категория добросовестности структурно сложная многозначимая, едино-разноплановая субстанция, познание которой ведётся с тех незапамятных времён, когда это понятие человечеством ещё не озвучивалось, но имманентно воспринималась как нечто неразрывное с человеческим бытием, его отношением с себе подобными и всем остальным окружающим миром.

Добросовестность, одна из немногих категорий, «странность» которой заключается в том, что, познаваясь всё больше и больше, на последующих этапах развития человечества, выясняются проблемы консенсуального (конвенционального) понимания её и единообразного практического применения осмысленной сущности этой субстанции в урегулировании общественных отношениях и поведения человека вообще.

Причиной этому, следует с глубокой уверенностью полагать, является её сложная и многогранная сущность, латентность которой в определённой степени созвучна с сущностью такого понятия как Истина, где возможно её бесконечное постижение, но никак не достижение окончательного результата познания.

Эта категория глубоко философская, изначально сформированная человеческой природой, и уже вторично порождающая её социальные качества и свойства, в последствии трансформировавшаяся (приобретшая) в свойства правового характера. Поэтому свойства добросовестности являют собой конгломерат независимости природного характера и эволюционной неизбежности в трансформации понимания сущности этой категории.

С другой стороны, опираясь на теорию эпистемологии, где в понимании любого явления и в первую очередь сложного, такого как добросовестность, лежит субъективизм, в значительной степени опосредованный уровнем развития общества и социумом проживания индивидуума – постоянно меняющиеся взгляды человечества на эту категорию, обеспечивают ей нескончаемый интерес и многочисленные нестихаемые споры о месте и роли добросовестности в жизни общества на каждом этапе его развития.

Особый интерес добросовестность привлекает к себе как правовая категория в силу её общественной весомости как регуляторной правовой единицы. Добросовестность, со времён Древнеримской империи, трансформируясь в правовую категорию, на разных жизненных этапах наполнялась своей степенью императивности, порой доходившей до уровня *jus cogens*, когда на нарушителей этой нормы налагались санкции самого жёсткого характера. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас сведения о казнях государственных должностных лиц (преторов, магистров, консулов), проявивших служебное недобросовестное поведение.

Последующее развитие римского общества, двигаясь по пути гуманизации права, сочтя неадекватность такого наказания недобросовестности поведения, ослабило императивные позиции добросовестности, снизив уровень её правовой жёсткости, где освободившееся правовое пространство в определённой степени было заполнено нормой диспозитивности добросовестности как правовой категории.

История развития римского, в последствии западноевропейского и российского обществ, их взгляды на понятие добросовестности как социальной, религиозной и прежде всего правовой субстанции – есть постоянно меняющееся соотношение норм императивности и диспозитивности в этом понятии на фоне то возгорающихся, то угасающих интересов к этой категории. Повышение интереса к этой категории всегда вызывало и дополнительный творческий подъём среди цивилистов правоведов, которые пытались найти новый ракурс видения добросовестности, определить нечто новое в этом явлении, соотнести свои открытия к уровню развития общества и, тем самым, доказательно определить её новую возросшую роль и место в современном российском гражданском праве.

Такое положение дела, есть норма жизни демократического общества, где постоянный поиск сущего, в том числе и в Гражданском праве, отражает живой единый организм всего общества, без правового движения которого он попросту существовать не может.

Добросовестность, в силу своей многогранной сущности как таковой, и в первую очередь высокой правовой значимости, объёмно отражена во многих трудах великих мыслителей философов и правоведов. О добросовестности рассуждали ещё античные философы¹, говорил об этом и великий русский философ и писатель Л.Н. Толстой: «Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет всё остальное».

Добросовестность – это философия гражданских отношений, а стало быть и Гражданского права. Философия – перманентно развивающаяся наука, значит и добросовестность как философская и правовая категория должна быть в своём постоянном развитии.

Сегодняшнее состояние российского общества, которому предшествовали бурные разновекторные преобразования, зачастую диаметрально противоположного характера, сопровождавшиеся революционными действиями, где последствия нестабильности этой социальной и правовой вакханалии привели в конечном итоге настоящего времени к тому, что жизненный уровень отдельных слоёв общества стал разниться на порядок и более, а культура отношений ещё не сформировалась, – понятие добра и совести носит неустойчивый и разноплановый субстратный характер. В такой, в веско негативной для гражданско-правового культурного общества обстановке, добросовестность как правовая категория требует её глубокого дополнительного изучения и приведения понятия её роли и места в регулировании всей совокупности гражданских правовых отношений к формату видения, где допустимая интерпретация правопонимания и правоприменения не может иметь существенно значимого отклонения. Добросовестность, как правовая регуляторная категория, в современном Гражданском праве обязана

¹ См.: Платон. Критик // Апология Сократа, Критик, Ион, Протагор / Под общ. ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1999. С. 648

иметь правовую определённость долженствующего уровня и никак не может быть недостаточно доходчивой и чрезмерно спорной в отношении её понимания, толкования и практического применения. Статус добросовестности должен носить ярко выраженный и хорошо видимый правовой характер.

Такие требования востребованы временем и сложностью ситуации, когда динамика вновь возникающих правовых отношений идёт активными темпами, опережающими адекватное развитие главного в гражданско-правовом обществе источника права культуры отношений, требование повышения правовой культуры, основанной на доброй совести, должны основываться прежде всего на высоком и всеобъемлющем нормативном закреплении статуса добросовестности в Гражданском праве.

Принцип добросовестности – особый принцип, где с виду чётко прописанная его правовая регламентация интерпретируется субъектами правопонимания по-своему. Связано это с изначально природным его происхождением, где субъективно-генетический оттенок психологического восприятия и понимания, сказанного о добросовестности в правовых актах, имеет существенную, а порой определяющую значимость. Соединить в единую правовую гармонию субъект и объект правопонимания, что бы волю законодателя правильно понимали все субъекты права в том числе и суды – задача архиважная и в такой же степени сложная.

Решение этой сложной задачи требует эпистемологического ракурса его рассмотрения и поиска надлежащего комплексного подхода в его разрешении. Исходя из этой философской науки, каждый субъект права, вместе с системой общественных взаимоотношений, должен быть погружён не только в реальный мир бытия, но и обязательно в реальный мир Гражданского права, где основополагающий принцип добросовестности в многогранной понятной форме и содержании является детерминативом всего Гражданского права. Тогда внутренний мир сознания каждого человека станет продуктом единства межсубъектного взаимодействия, определяемого нормами Гражданского права. Такой феномен познания принципа добросовестности станет культурно-правовой легитимацией понимания и восприятия категории добросовестности.

Современные попытки решения этого вопроса произведены. Первый шаг, показывающий возросшую востребованность в возвышении значимости добросовестности, как основополагающего принципа Гражданского права, сделан, обозначив свою правовую поступь датой 01 марта 2013 года. Естественно, решить назревший вопрос одним махом невозможно, ибо «большая глыба» имеет и большую инертность, которую быстро преодолеть представляется большой сложностью.

Оставив добросовестность принципом Гражданского права, законодатель одновременно трансформировал его в принцип-норму, более глобально охватив Гражданское право, повысив тем самым его значимость, показав при этом необходимость дальнейшего его совершенствования на официальном правовом поприще.

Этот многозначимый шаг, который вызвал бурный резонанс в правовом мире, породил множество научных статей, споров и даже критики², что подтверждает назревший временем вопрос очередного правового интереса к добросовестности.

Анализируя культурно-правовое состояние современного российского общества, наблюдаем различное понимание и отношение к добросовестности. Высокая степень вертикальной градации взглядов на это понятие говорит о «правовой разношерстности» в этом вопросе, что никак не способствует стабильности и должной динамике развития общества. Отдельные ростки высокой культуры понимания добросовестности, говорят об общей отсталости российского социума в отношениях с этой категорией. Эта проблематичность подтверждается и частной судебной практикой автора, когда принципу добросовестности в судах придаётся сугубо второстепенное субсидиарное понятие, не смотря на его возросшую роль в гражданском законодательстве и официальное закрепление в главном гражданско-правовом акте – Гражданском кодексе РФ. Такое положение дела говорит о существующем противостоянии понимания общества и её официальных структур в отношении добросовестности, устранению которых мешает инертность мышления. Преодоление инертности мышления и приведение его к общему правовому знаменателю возможно лишь на основе новых подходов цивилистического изучения и развития этого понятия и внедрения достигнутых результатов в теорию и практику Гражданского права и реального бытия. Правовое мышление надо формировать, в соответствии с требованием насущных перемен в динамично развивающемся гражданском обществе.

Мышление человека является синтезом логики чувств и абстрактного мышления. Логика чувств, учитывая многие чувственно образующие факторы, формируют общий чувственный вектор, который уверенно доминирует над вектором абстрактного мышления. В этом совокупном восприятии, особенно когда для абстрактного мышления недостаточно надлежащей информации, человеком в большинстве

² Аветисян М.Р. Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Научное сообщество студентов XXI столетия: сб. ст. по мат. II междунар. студ. науч.-пр. конф. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: sibac.info/sites/default/files/conf/file/stud_3_2.pdf/(дата обращения: 12.05.2017).

случаев руководит логика чувств. То есть, каждый человек в меру своей образованности и воспитанности определяет для себя собственное психологическое право, которое считает обоснованным. Такое индивидуальное психологическое право в отношении добросовестности носит широкую палитру, недопустимую с правовой точки зрения толкования добросовестности как правовой категории и её практического применения для разрешения спорных отношений.

Обозначенное положение вещей говорит о том, что в векторной совокупности человеческого мышления, консенсуально (конвенционально) направленная величина вектора абстрактного мышления должна стать доминантой в отношении чувственного понимания добросовестности. Результирующий вектор мыслительной деятельности в отношении категории добросовестности должен иметь чётко выверенную консенсуальную правовую направленность, отвечающую требованию настоящего времени. Причём, этот вектор, имея свой неизменный сущностный стержень, должен иметь вариативную предикатную атрибуцию.

Бытие определяет сознание, стало быть принцип добросовестности, как основа основ Гражданского права, должен иметь новые устойчивые позиции, где поведенческая практика осмысления сути принципа добросовестности и применение его положения для разрешения правоотношений не может иметь правовых «брешей», дающих возможность пройти мимо добросовестности как правовой категории или же умышленно обойти её. Необходимо привести принцип добросовестности в официальных правовых писаниях до уровня востребованности его настоящего долженствования, причём сформировав его позиции как всеобъемлющие в отношении попыток его обхода и неприсутствие в отношении его неприменения. Принцип добросовестности в Гражданском праве должен иметь ярко и чётко выраженные понятные позиции, твёрдость которых не должна вызывать у кого бы то ни было двусмысленного или иного понимания, чем то, которое объёмно и вразумительно, с однозначным пониманием обосновано в правовых гражданских актах. Это – проблема сегодняшнего дня, когда срочность её решения не вызывает никаких сомнений, а промедление есть движение к дисгармонии общества.

Выполнение такого требования достижимо при глубоко осмысленном научном подходе в решении этого вопроса. Следует уверенно полагать, что такой подход может быть найден на интерфейсе (стыке) юридических наук и целого ряда естественных и гуманитарных дисциплин. Новый подход должен быть обязательно комплексным, ибо принцип добросовестности, в силу его многогранности и значимости – есть система, которую понять, объяснить и направить в надлежащее правовое русло можно лишь также подходя системно. Иного быть не может, ибо дуальная адекватность – один из основных законов микросостояния.

Комплекс задач решения проблемы принципа добросовестности в определении его роли и места в урегулировании всей совокупности гражданских правовых отношений, определяется научно-правовым ракурсом, где роль гармоничного синтеза философии, права и многих других наук выходит на первое место, ибо классические подходы «разового» характера в значительной степени исчерпали характер исследования принципа добросовестности, раскрытия его латентных правовых граней и познания глубины правовой возможности. Необходим иной подход, который должен быть сформирован путём: введения новых понятий, дифференцированно конкретизирующих смысл уже познанных правовых граней принципа добросовестности; усовершенствования организации гражданского права, ибо правильная организация удесятяряет правовые силы и где происходят количественно-качественные переходы одного состояния в другое, достигая при этом надлежащей гармонии их соотношения; формирования нового мышления и правового понимания, способствующих видению глубинной правовой сущности принципа добросовестности и его практического применения для разрешения гражданско-правовых отношений.

Понять добросовестность, как сложную многоединую субстанцию, можно лишь адекватным её сущности многоединым научным взглядом, основанном на конвергентном и дивергентном мышлении междисциплинарного научного поля. А для этого необходим логически связанный философски единый разнонаучный ракурс видения этой проблемы. Только лишь чисто юридической позиции его рассмотрения становится всё более недостаточно.

Предлагаемые новшества должны исходить из логически выверенного начала первого и последующих шагов, формирующих систему надлежащего современного понимания принципа добросовестности, его правового утверждения и трансформации отношения к нему как правовой и социальной категории.

Проблема приобретает особую актуальность для юридической науки, так как традиционные подходы дальнейшего познания категории добросовестности, неся в себе в определённой степени ментальную паттерность, обусловленную «почвенностью» её длительного классического формирования, исчерпали активный исследовательский ресурс, определённый волатильностью ментальных конструкций.

Развитие общественных отношений и науки, провоцируемые развитием информационных междисциплинарных обменов и комплексностью информационной среды, выносят на повестку дня иные подходы исследования принципа добросовестности, основанные на привлечении в юридическую науку

других научных дисциплин, которые принеся уже имеющиеся свои апробированные знания, одновременно став катализатором исследовательского процесса, в синтезе с юридическими знаниями, дадут долгожданный результат новых знаний высокоправовой потребности.

Первый шаг – это формирование определения добросовестности максимально отвечающего его современному правовому положению и вместе с ним целого спектра атрибутивных дефиниций, опосредованных этой категорией. Этот спектр, являющийся глоссарием добросовестности, должен по праву стать преамбулой правового категориально-понятийного аппарата, который в свою очередь своей контекстной сущностью должен стать правовым эфиром всего Гражданского права.

Второй шаг – это параллельные действия по структурно-правовой реформе основополагающего законодательного акта – Гражданского кодекса РФ и внесению новых положений в теорию Гражданского права. В части первого обозначенного момента, необходим свой упорядоченный комплекс действий первостепенной значимостью которого является создание преамбулы Гражданского кодекса, основанной на глубоко обновлённом правовом категориально-понятийном аппарате и несущей главенствующий идеологический правовой смысл всего гражданского законодательства. Завершением второго шага является текстовое внесение изменений и дополнений в статьи Гражданского кодекса РФ, которые прямо опосредованы принципом добросовестности.

Результат этих двух шагов сформирует условия нового типа (формы) правового мышления, дающего точное и ясное понимание места, роли и смысла категории добросовестности в Гражданском праве, его значимости и единообразного консенсуального толкования его правовой сущности и норм Гражданского права.

Принцип добросовестности в Гражданском праве должен пониматься не только его прямым взаимодействием с сознанием человека, но и опосредованно через совокупность принципов и иных правовых трактовок, которые взаимосвязаны с понятием добросовестности. Добросовестность, особый гуманитарный предмет исследования, при всей своей ёмкости, не имеющий чётко обозначенных границ, поэтому, чем больше будет таких дефиниций, тем расплывчатость понятия добросовестности всё больше будет приобретать сферу его понятного образа и содержания. Совокупность определений будет представлять собой обитель принципа добросовестности, как особую сферу, которая будет являть собой правогенез Гражданского права. Это новое интегрированное понятие, которое развивает исследуемый принцип и даёт возможность дальнейшей структурной реформы по совершенствованию Гражданского права.

Правогенез Гражданского права, во главе которого стоит основополагающий принцип Гражданского права, своим естественным доминирующим положением должен обуславливать и предопределять весь правовой категориально-понятийный аппарат, а также направление правового понимания и формирования гражданского законодательства. Приведение исследовательских позиций на востребованный уровень – это первая важность в исследовании принципа добросовестности, с его многогранной и прогрессирующей значимостью, как нового явления в современном российском Гражданском праве.

Вторая важность или исследовательский шаг, не просто вытекающий из первого, а фактически являющийся неизбежностью логических познавательных действий – это структурное утверждение гражданского законодательства, где с учётом вновь введённых и обоснованных дефиниций, необходимо детерминировать Гражданское право смыслом и сутью добросовестности, которое своей организацией создаст все условия для нового правового мышления в отношении принципа добросовестности и его глубинного понимания.

Практика такого мышления хорошо известна психологической и иным наукам, когда созданные условия для осмысления предмета исследования создают возможность разномодального мышления и приведения его в единое и безошибочное интермодальное понятие. Здесь необходимы два условия: профессионализм и должная правильная организация восприятия и осмысления, исследуемого понятия.

И третья, являющаяся производной совокупности первых двух шагов – правоприменительная практика регулирования гражданских правовых отношений, опосредованных принципом добросовестности.

Образно, в алгоритмической последовательной связи принципа добросовестности и его конечной правовой значимости как регулятора совокупных гражданско-правовых отношений, это выглядит графикой, представленной на рисунке 1.

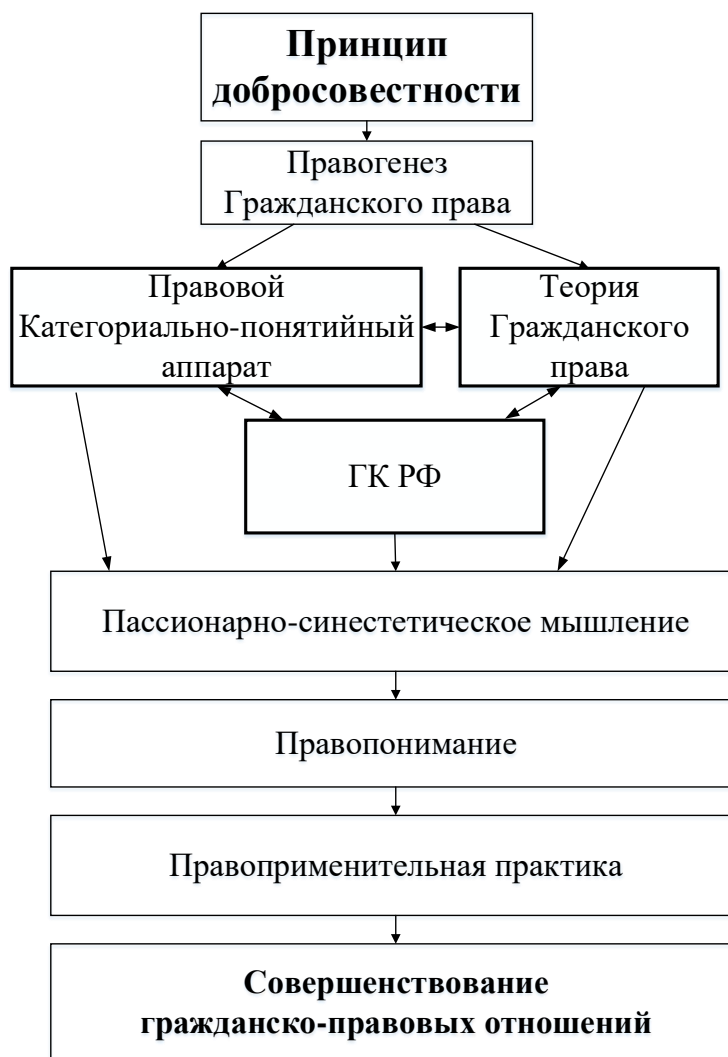

Рис. 1. Система комплексного реформирования Гражданского права

Правогенез Гражданского права, который не должен претендовать на свою абсолютность и окончательность по насыщенности правовыми дефинициями, предлагается сформировать на следующих определениях, среди которых, кроме определения добросовестности, все вновь вводимые:

«**Добросовестность**» – моральная способность личности самостоятельно формулировать нравственные обязанности и производить внутренний самоконтроль при реализации своих прав и выполнении обязанностей, где ориентиром при выполнении действий выступает стремление субъекта права к объективному добру, понятия которого сформированы процессом интуитивно-эволюционного развития личности, и где чувства вины или «угрызения совести» являются критериями внутреннего самоконтроля.

Под добросовестностью необходимо понимать добрую совесть, которая обозначает позицию субъекта права, как правдивую, честную, точную и тщательную, основанную на его видении справедливости отношений. Стало быть, добросовестность субъекта – это честность, аккуратность и ответственность выполнения своих обязанностей.

Добросовестность есть квазър гражданского права, который искони представляет собой гражданское право на начальном этапе своего развития. Сформировав и развив гражданское право, добросовестность остаётся в Гражданском праве звездой первой величины, свет которой доходит во все её уголки.

«**Недобросовестность**» – понятие, являющееся антонимом (антагонизмом) понятию добросовестность.

«**Недобросовестное поведение**» – есть поступок(ки), образом действия которых участник отношений отрицает определение, данное в истолковании дефиниции добросовестность.

Добросовестным поведением может быть только правомерное поведение.

«**Недобросовестность умышленная**» – это осознанные в сущности своего деяния умышленные противоправные действия участника отношений, направленные на получение незаконной выгоды в отношениях с другими субъектами права.

«Недобросовестность халатная» – это неосознанные надлежащим образом противоправные действия участника отношений, в силу его невнимательности и безразличия, к другим участникам отношений.

«Недобросовестность ошибочная (заблуждения)» – это противоправные действия участника отношений в отношении других участников отношений, когда субъект права осмысливая поступки и стараясь действовать по доброй совести в отношении другого субъекта права, заблуждался в правомерности своих деяний, не предполагая их незаконность и причинил второму в силу своего заблуждения вред (ущерб).

Такая дифференциация тройственного понятия недобросовестности в совокупности с обозначенными ранее в научных исследованиях видах категории «недобросовестность»³ вносит новые положения в теорию права и даёт судам законодательную возможность более уверенной квалификации отношений контрагентов и вынесения правосудных решений.

Уровень развития общественных отношений сформировал и всё возрастающие требования к культуре правового общения. Такая естественная адекватность, развивая правовое сознание, потребовала, чтобы идея права заложенная в принципе добросовестности как всеобъемлющей норме права, была усилена, оказывая при этом большее влияние на статус принципа, что в свою очередь даст возможность по-новому, с позиции высот, соответствующих требованию времени, осмыслить значимость принципа добросовестности в Гражданском праве.

Для этих целей в категориально-понятийный аппарат необходимо ввести понятие **«степень идеи права»**. Такое созвучное с математикой выражение даст возможность дифференцировано подходить к значимости соответствующей нормы права, исходя из степени её идеи.

Принцип добросовестности, как и любая норма права – это духовная субстанция, ценность которой определяется мыслительным восприятием её, определяющим отношение человека к ней, в результате чего и формируется значимость этой субстанции в текущее время, применительно к конкретной ситуации, явлению. Такое отношение формируется через идею, как способ мыслительной деятельности человека, которая находится в единстве с действительным миром, и которая духовно завершает самопознание. Идея, как мыслящая субстанция, заложенная в праве – это идея права.

Идея права является идеологическим ядром, вокруг которого формируется и окончательно строится содержательная часть права, которая и есть объективное (позитивное) право и из которого вытекают юридические нормы, субъективные права и обязанности, юридическая ответственность, правовые гарантии и т.д. Идея права своей непосредственной сущностью определяет смысл, предназначение, важность и иные ценностные качественные и определяющие характеристики нормы права, которые в своей совокупности формируют статус нормы права, его правовую значимость. Через идею права управляют правом, нормой права, – принципом добросовестности.

«Степень идеи права» есть правовая величина, формирующая значимость нормы права.

Этот показатель можно дифференцировать на три условных сравнительных величины (категории): высокая «степень идеи права», средняя и низкая. При этом статус принципа добросовестности в гражданском праве будет следовать судьбе идеи права.

«Парадигма принципа добросовестности» – есть понятие, интегрально объединяющее в себе совокупность конвенциональных (консенсуальных) цивилистических взглядов и установок его, как основополагающего принципа Гражданского права, признаваемых на данном этапе развития науки. Парадигма принципа добросовестности не есть застывшее явление в юриспруденции, а живая научная субстанция, способная к видоизменению и совершенствованию.

Введённая дефиниция парадигмы принципа добросовестности, объединяющая в себе целостную систему понятий, структуру принципа, – сформирует естественно-научную картину области научного знания добросовестности в Гражданском праве, тем самым возвысит и упрочнит его роль в юриспруденции. Вновь вводимая дефиниция в свою очередь станет ядром Гражданского права, его правовой идеей, когда видоизменение парадигмы адекватно уровню развития общества и общественных отношений, даст возможность также адекватно совершенствовать гражданское законодательство в такт изменяющимся условиям жизнедеятельности людей. Предлагаемое категориально-правовое понятие не оставит без внимания учёных-правоведов и законодателей, даст дополнительный импульс в развитии гражданского права и гражданского законодательства.

Следующим этапом, где правовая квалификация определяется соотношением обстоятельств дела и норм права, должно быть введено понятие, глубоко объединяющее идею права, содержание права, то есть её парадигму и обстоятельства дела, к которым применяется норма права. Такое понятие носит словесную созвучность, как правовая конгруэнтность.

³ Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных прав. Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. Москва, 2010.

«Правовая конгруэнтность» – это гармоничная взаимная зависимость степени идеи права её содержания и обстоятельств дела, к которым должна быть соотнесена норма права, квалифицирующая содеянное субъектом права.

Достигнутый уровень научности нашего общества во всех сферах его жизнедеятельности, требует адекватного развития и юриспруденции, где специальный научный юридический язык должен иметь свою специфичность, отражающую область её применения и несущую конкретную понятийную правовую значимость.

Такое требование современности возможно достижением трансформации понятия злоупотребление правом на понятие **«правовая девиантность»**.

«Правовая девиантность» – есть любые действия субъекта права, заведомо недобросовестного характера, по осуществлению им своих гражданских прав, основанные на корыстных побуждениях и направленные в обход закона с целью получения выгоды.

Вновь вводимое понятие, сочетающее в себе изначально противоположные значения двух слов, более профессионально, как узкоспециальное юридические понятия. Эти слова образует синкретическую систему, которая хорошо просматривается в генезисе Римского права, когда религиозные, нравственные и юридические грани бытия сформировали уникальный и неповторимый шедевр мировой цивилизации. Успех Римского права, складываясь из ряда компонентов в единую интеграцию, обязан в должной мере и синкретизму, так как практика показывает, что система, образованная из разнородных начал в единую слитность, удивительно живучая и действенная. Такой успех в юриспруденции будет и у выше обозначенного вновь вводимого понятия.

В этой связи, развивая это понятие дальше, следует также, как и недобросовестное поведение, классифицировать правовую девиантность на две составляющие: правовая девиантность **умышленная и аберрантная**.

«Аберрантная правовая девиантность» проявляется в ситуации, когда субъект права, защищает свои субъективные права на основе своих устоявшихся личностных ценностей, противоречащих ценностям позитивного права, объективно ущемляет права, свободы и интересы других лиц, действуя им во вред. Следует заметить, что этот вид правовой девиантности в определённой правовой мере созвучен с понятием «недобросовестность ошибочная (заблуждения)».

Умышленная правовая девиантность может иметь свою разновидность – **«Обструктивная правовая аберрантность»**. Когда к примеру участник судебного процесса искусственно умышленно затягивает судебный процесс.

Такое различие в злоупотреблении правом, с введением новых дифференцированных дефиниций и её разновидности, в корреляции с принципом добросовестности и его дифференцированных антонимов, необходима для развития демократических институтов защиты субъективного права и должна учитываться судами.

Говоря о постижении нравственности, как о непрерывном и неизбежном с точки зрения современности процессе культурного и правового бытия, необходимо обозначить этот процесс действия, зафиксировав его понятие в правовом категориально-понятийном аппарате.

«Нравственное правовое совершенство» – это жизнедеятельность субъектов права, основанная на стремлении к постижению нравственных ценностей, принципы поведения которых выражают уважение к закону, обществу, правам других субъектов права и соблюдению основополагающих принципов гражданского права, делающих жизнь осмысленной, содержательной, уравновешенной и полноценной. Стремиться к нравственному правовому совершенству – это значит улучшать правовое состояние общества.

Предложенные совокупные новации гражданской теории права и практического законодательства, где значительное количество родственных категорий объединены в единую неразрывную понятийную субстанцию, – взаимообусловленный комплекс принципов гражданского права, связанных между собой схожими (родственными) понятиями, являются предтечей, которые создают новую ценность правового понимания и толкования права.

Этот комплекс, правовое положение которого должно быть утверждено законодательно на федеральном уровне, формирует особую целостность, называемую правогенезом.

«Правогенез гражданского права» – взаимообусловленный модальный комплекс принципов гражданского права, связанных между собой схожими (родственными) понятиями, создающий новую интегральную ценность правового понимания и толкования права.

Правогенез, стоящий во главе правового категориально-понятийного аппарата, будет выполнять роль преамбулы, структурирующей и настраивающей весь правовой аппарат на должностную лад.

Все дефиниции Гражданского права, имея различные трактования, должны быть объединены единой сущностью, несущей в себе добро совести, то есть иметь обобщённую идею права, являющуюся идеологическим ядром правогенеза, неся тем самым идеологию добросовестности в Гражданское право и все совокупные отношения.

Введённые новые понятия, усовершенствующие гражданское право, порождены требованием отражения правовой реальной действительности уровня развития гражданских отношений – уровню развития гражданского права. Такие инновации являются неизбежностью гармонизации гражданского права и гражданских отношений.

Этот комплекс взаимно детерминированных правовых понятий обстоятельно формируют новый стиль (тип, форму, способ, метод, подход) в правовой мыслительной деятельности в отношении правопонимания гражданского права, обозначенный как **пассионарно-синестетический**.

«Пассионарно-синестетическое восприятие права» – перцепция, основанная на комплексном всестороннем одновременном восприятии родственных правовых категорий, с сопредельными, смежными, близкими, конвергенционными понятиями, синергетически создающими связи между чувствами в психическом переживании, способствующими эмерджентному более полноценному осмыслению и пониманию правового содержания норм права (закона).

Содержание права создаётся изменчивыми социальными и экономическими условиями. Поэтому только синтез гуманитарных научных знаний, объединённых в единую цельную систему познания, в своей совокупности с дисциплинами естественными и рассмотренный под научно-философским ракурсом, позволит в конечном итоге решить поставленные в исследовании задачи и достичь конечной цели. О такой необходимости и неизбежности в развитии науки как таковой, упоминал в своих трудах русский правовед Б.А. Кистяковский⁴.

Пассионарность – (от лат. *passio* – страсть), введенный в научный оборот в 1993 году Л.Н. Гумилевым термин, – понятие которого он описал как устойчивый, инвариантный для разных эпох и этносов комплекс поведенческих и психических черт. Современное толкование пассионарности имеет множество своих оттенков, но обозначающее прежде всего социальную активность, проявляющуюся в стремлении индивида к цели познания. Пассионарность, применительно к нашему случаю есть инструмент активности в познании истинного современного значения принципа добросовестности в гражданском праве.

Синестезия (от греч. *synaisthesis* – соощущение) – явление восприятия представляет собой общезначимое свойство человеческой психики, выступающее не как аномалия, а как норма в проявлении сущностных сил и возможностей человека в его мыслительной деятельности.

В формировании организации пассионарно-синестетического способа мышления важно найти интерфейс, общую границу психологической и юридической наук, дающий совокупность возможностей, способов и методов одновременного действия, в первую очередь посредством обмена нужной информацией, синтезирующей это новое явление в юриспруденции.

В основании дефиниции пассионарно-синестетического восприятия лежит современная глубоко интегрированная научная двухаспектность её формирования. Такой психологический мутуализм, имплементированный в юридическую науку и дающий ей дополнительные научные преимущества, глубоко оправдан необходимостью совершенствования Гражданского права. Вновь вводимое понятие означает активность и точность восприятия, его безошибочность и, тем самым, формирует востребованную цивилистикой генетическую связь активности и точности толкования основополагающего принципа современного российского гражданского права – принципа добросовестности.

Время перемен в науке и искусстве, которые своей совокупностью характеризуют и определяют юриспруденцию – настало. Настало время профессионального подхода в решении всех не только технических, но и социально сложных задач, востребованных современным обществом. Иного быть не может, ибо без такого подхода прогресс в развитии общества безнадежно ведёт к стагнации и даже откату назад. Юридические науки и следуемая их судьбе практика гражданского законодательства, где во главу угла ставится законотворческая деятельность, должны развиваться на основе последних научных достижений, где надлежащий гносеологический подход познания того или иного явления и осмысления этого явления, должен иметь приоритетное значение.

Такой стиль мышления, как специфическая форма взаимодействия в целостной системе чувственного отражения, сформированный упомянутыми обстоятельствами дела, усиливая невербальное мышление, обеспечивает средневзвешенное единство логики чувственного и абстрактного мышления, путём корреляции разномодальных восприятий в единое интермодальное понимание, позволяющее сознанию воспринять исследуемый предмет как целостный и понятный образ. Научкой давно доказано о форме такого мышления, что этот эпифеномен есть норма, где проявляются сущностные силы человека, но никак не аномалия. Но для такого мышления должны быть созданы условия, которые обозначены в настоящей статье, полностью опирающиеся на научно-доказательную базу.

Обозначенный выверенный комплекс инноваций, востребован современным гражданским правом. Дефиниции, упомянутые выше, должны быть законодательно закреплены федеральным законом. Придав

⁴ Б.А. Кистяковский. *Философия и социология права*. СПб.: РХГИ, 1999. 800 с.

определением официальную правовую силу, законодатель тем самым не только конкретизирует понятие добросовестности, но и определит вектор правового мышления в Гражданском праве. Внедрение предлагаемых новшеств, отражая дух гражданского права, активизируя тенденции развития всей национальной гражданско-правовой системы, будет способствовать усилению целой серии юридических активов, среди которых прежде всего укрепление единства норм права и правовых отношений, субъективного и объективного права, активация одной из важнейших демократических формул «право на право», определяют высокоорганизованный системный характер толкования и применения норм права, устроят и конкретизируют роль резервных правил и аргументируют у субъектов права юридическую культуру взаимоотношений.

Познав принцип добросовестности как новое явление в современном российском гражданском праве, генерализовав уровень его правовой императивности и сформировав на его обновлённой основе жизнеутверждающий порядок совершенства (модернизации) Гражданского права и гражданского законодательства, мы открыли новый закон единого поступательного гармоничного движения правовой материи и гражданских отношений, а также всех явлений, входящих в эту совокупность. Такое движение утверждает и иные принципы гражданского права при реализации субъективных гражданских прав и исполнении юридических обязанностей, прежде всего качество равновесия в равенстве участников гражданских правоотношений, а также утверждает мотив, цель, ради которой служит сам принцип добросовестности, и источник, из которого почерпнуто его содержание.

Смена обычной понятийной сетки, через которую цивилисты рассматривали мир Гражданского права, позволила призму научных юридических воззрений поставить под таким углом, который дал возможность заглянуть в доселе трансцендентальный мир права, увидеть латентные грани принципа добросовестности, раскрыть их правовую значимость, понять при этом его новое явление в гражданском праве и разрешить важную задачу диссертационного исследования. Новый исследовательский подход окажется импульсом, позволившим выйти за пределы сложившейся и устоявшейся, ставшей общепризнанной структуры юридических рассуждений. Такая концепция есть развитие условий нового обоснованного пассионарно-синестетического восприятие права, базирующегося на последних достижениях смежных междисциплинарных наук и востребованного временем.

Заключение.

Актуальность статьи определяется введением новых атрибутивных добросовестности дифференцированных дефиниций, раскрытием новых не используемых до сего правовых возможностей принципа добросовестности,

правовой потенциал которого даёт дополнительную возможность активного влияния на совершенствование теории гражданского права и модернизацию гражданского законодательства по расширению демократических институтов защиты субъективного права.

Рекомендуемые нововведения, показывая важность и значимость этой субстанции, обяжут законодателя формировать законы, отвечающие принципу добросовестности, и сводить к минимуму законотворческую пробельность. Статья, принеся новые знания на алтарь науки, обогатив теорию познания права, даёт возможность, опираясь на новые знания, продолжить развитие юридической науки и практики.

Усиление роли принципа добросовестности, в гражданском праве, прогнозируемая настоящей статьёй, значительно расширит и утвердит на практике применение смежных основополагающих начал Гражданского права и главного принципа судопроизводства – принципа диспозитивности. Это шаг в развитии Гражданского права и тем самым повышении уровня гражданственности в обществе.

Новый ракурс правового взгляда открывает новые обстоятельства, окружающие принцип добросовестности, которые до сих пор не были приняты во внимание юристами-исследователями в виду их латентности. Открытие новых правовых возможностей исследуемого принципа, явили собой «новое слово» в науке.

Список литературы

1. *Аветисян М.Р.* Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Научное сообщество студентов XXI столетия: сб. ст. по мат. II междунар. студ. науч.-пр. конф. № 3. URL: sibac.info/sites/default/files/conf/file/stud_3_2.pdf/ (дата обращения: 12.05.2017).
2. *Аюста В., Кован К., Грэм Б.* Основы современной физики. М.: Просвещение, 1981. 495 с.
3. *Богданова Е.Е.* Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных прав. Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. Москва, 2010.
4. *Климишин Н.А.* Релятивистская астрономия. М.: Наука, 1989, 288 с.
5. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1999. 800 с.

6. Платон. *Кратил* // Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / Под общ. ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1999. 648 с.